

Анотація

У статті пропонується аналіз особливостей розгортання міських топосів у романі сучасної італійської письменниці Муни Вітер “Ніна – дівчинка планети Шостого Місяця”. Реальним міським топосам Мадрида (будинок, вулиця, парк, готель) та Венеції (площа Сан-Марко, статуя Крилатого Лева, вілла “Еспазія” та інші) протиставлені просторові елементи вигаданої планети Ксоракс. Риси міських топосів у сучасній зарубіжній дитячій літературі мають свою специфіку: казковий характер, гіперболізацію у зображенні фантастичних просторових елементів, пов’язаність із просторовою і часовою сферами пригод головного героя.

Ключові слова: місто, міський топос, реальний і вигаданий світ.

Аннотация

В статье предлагается анализ особенностей развертывания городских топосов в романе современной итальянской писательницы Муни Витчер “Нина – девочка планеты Шестой Луны”. Реальным городским топосам Мадрида (дом, улица, парк, гостиница) и Венеции (площадь Сан-Марко, статуя Крылатого Льва, вилла “Еспазия” и другие) противопоставлены пространственные элементы вымышленной планеты Ксоракс. Черты городских топосов в современной зарубежной детской литературе имеют свою специфику: сказочный характер, гиперболизацию в изображении фантастических пространственных элементов, связанность с пространственной и временной сферами приключений главного героя.

Ключевые слова: город, городской топос, реальный и вымышленный мир.

Summary

The analysis of the peculiarities of the depiction of city topos in the modern Italian writer Moony Witcher’s novel “Nina is a girl of the Sixth Luna Planet” is given in the article. The real topos of Madrid (the house, the street, the park, the hotel) and Venice (St. Mark’s square, Winged Lion’s statue, villa “Espaziya” etc.) are contrasted to the spatial elements of the invented planet of Ksoraks. The features of city topos in modern foreign child’s literature have the specific: fairy-tale character, overstatement in representing fantastic spatial elements, connection with the spatial and time spheres of the protagonist’s adventures.

Keywords: city, city topos, real and fictional world.

ПРОЧИТАННЯ МОСКОВСЬКОГО ТА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ТЕКСТІВ

УДК 82.091–94

Беличенко О.Л.,

кандидат педагогических наук,

Славянский государственный педагогический университет

ОБРАЗ МОСКВЫ И РИМА В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ С.М. СОЛОВЬЕВА

Сергей Михайлович Соловьев представляет ту нравственную среду, которая оказала влияние на всю интеллигенцию России. Соловьевы были носителями семейной национальной совести. Но по беспечной доверчивости они проморгали угрозу варварского захвата и вырубки своего вишневого сада.

К сожалению, стихи, переводы, статьи С.М. Соловьева, которому посвящено наше исследование, пока не переиздаются, а многое из его обширного, несмотря на

утраты, наследия ждет своего часа. В частности, и мемуары – Сергей Михайлович писал их в 20-е годы и не завершил их. Также отсутствуют фундаментальные работы, посвященные его творчеству, религиозной и общественной деятельности.

Мемуары Сергея Соловьева изданы лишь в XXI веке, но сохранили **актуальность**, ибо предостерегают от прелести безответственности и прекраснотушия нашего времени. Его, как многих прекраснотушных интеллигентов, раздавила реальность, похожая на внезапно вылетевший из-за поворота бронепоезд истории, расписанный по бокам беспощадными лозунгами.

Целью нашей статьи является попытка осветить основные вехи биографии замечательного поэта.

Цель позволила обозначить **задачу**: показать роль московского и римского периодов в становлении творчества С.М. Соловьева.

В работе использован биографический **метод**.

Имя Сергея Михайловича Соловьева встречается в книгах Андрея Белого и в его переписке, как и в переписке Блока, во всех книгах о них, о Брюсове, о “серебряном веке” русской культуры, о символизме.

Обратимся к некоторым вехам жизни Сергея Михайловича. Он родился в 1885 году; внук историка С.М. Соловьева, племянник философа Вл. Соловьева, троюродный брат А.А. Блока, состоял в отдаленном родстве с Г. Сковородой через Коваленских. Полученное воспитание и круг интересов семьи оказали определяющее воздействие на его духовный облик и биографию.

Учился Соловьев в московской частной гимназии Л.И. Поливанова. В 1911 году окончил историко-филологическое отделение Московского университета; его кандидатским сочинением явились “Комментарии к идиллиям Феокрита”. Писать начал с 1904 года, выпустил книги стихов: “Цветы и ладан” (1907), “Crurifragium” (книга стихов и прозы, (1910), “Цветник царевны” (1913), “Возвращение в дом отчий” (1916)).

Острый душевный кризис после поражения первой русской революции 1905 года привел к нервному срыву, болезни. Выздоровление пришло с женитьбой на юной Тане Тургеневой и принятием сана священника по окончании Московской Духовной академии в 1915 году.

После октябрьского переворота, спасая семью от голода, С.М. Соловьев осенью 1918 года уехал из Москвы и два года провел в Саратовской губернии. В поэме “Чужбина” (не предназначавшейся к публикации) он рассказал о жизни в селе Большой Карай, куда в 1919 году пришел военный коммунизм, голод. Общая жизнь с крестьянами в экстремальной ситуации углубила присущий ему демократизм, чувство полного равенства со всеми, кто слаб, терпит лишения.

*Сел на платформу близ нищего,
Вместе нас вдаль занесло!
Сердце, как солнце над Ртищевом,
Кровью давно изошло [2, 182].*

В эти годы он далеко ушел от того наивно стремившегося к опрощению Сережи Соловьева, который послужил Андрею Белому прообразом Дарьяльского в “Серебряном голубе”. Позже, в стихотворении “Андрею Белому. 1905–1921 гг.”, он напишет:

*О, да! Она была прекрасной.
Намеченная нами цель,
Но сколько сил ушло напрасно
На этот бред, на этот хмель!.. [2, 183].*

Перемены, принесенные революцией, разрушили не только литературную, научную и общественную жизнь Сергея Соловьева, но и его личную жизнь. Осенью 1920 года умерла пятилетняя дочь Мария (об этом в неопубликованной поэме “Смерть”), а горячо любимая жена встретила другого человека и соединила с ним свою дальнейшую судьбу. Сергей Михайлович вернулся в Москву один, без семьи.

Несмотря на тяжелые бытовые условия (до 1929 года он снимал комнату в подмосковном Крюкове), С.М. Соловьев отличался необыкновенной работоспособностью. Он преподавал в Высшем литературно-художественном институте, основанном В. Брюсовым, очень много работал над переводами классической литературы: перевел “Прометея” и “Орестею” Эсхила, все трагедии Сенеки, завершил начатый В.Я. Брюсовым перевод “Энеиды” Вергилия, переводил произведения А. Мицкевича, Гете, Шекспира. Деятельность поэта-переводчика не была для него вынужденным ремеслом. С отроческих лет он практиковался в стихотворных переводах с французского и немецкого, позже увлекся переводами с латыни и греческого.

Благодаря глубоким познаниям С. Соловьев совмещал работу переводчика с филологическими изысканиями. К переводу “Прикованного Прометея” Эсхила он добавляет “Освобожденного Прометея”, восстановленного по сохранившимся фрагментам трагедии. Этот перевод лег в основу спектакля МХАТа, доведенного до генеральной репетиции и снятого, несмотря на то, что в главной роли был В.И. Качалов. “Орестея” Эсхила в переводе С. Соловьева шла в МХАТе 2-м, но недолго – трагедии Эсхила не были созвучны тому времени (1926–1928 годы).

Сергей Михайлович с увлечением работал над переводом “Конрада Валленрода” Мицкевича, у него было особое отношение к Польше и Литве, откуда вели свое происхождение его предки Коваленские (Ковалинские). Дороги были ему и воспоминания о Волыни, где он и Андрей Белый провели счастливое лето в семье отчима сестер Тургеневых – Аси (на ней женился Андрей Белый) и Тани (на которой женился С. Соловьев).

Трудно понять, откуда брал силы и находил время физически истощенный и житейски неустроенный человек, для того чтобы писать такие фундаментальные труды, как “Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева”. Эта книга, которую смело можно назвать делом жизни С.М. Соловьева, впервые увидела свет только в 1977 году в Брюсселе и остается малоизвестна на родине. В это время он

писал совсем не предназначавшиеся для публикации статьи на литературоведческие и богословские темы и стихи.

В 1926 году С.М. Соловьев, принявший католичество, становится вице-экзархом греко-католиков, главой официально не зарегистрированной общины в Москве. При этом “западником” он не стал, сохраняя веру во Вселенскую церковь и особое предназначение России. В этом же году он пишет стихотворение “Петербург”, которое заканчивается строфами:

<i>Как волны Стикса в мгле Эреба,</i>	<i>Нет, ты не проклят, не оставлен!</i>
<i>Нева не отражает звезд,</i>	<i>Ты ждешь, прекрасен и велик,</i>
<i>Но ангел указывает в небо,</i>	<i>Когда над миром будет явлен</i>
<i>Над городом поднявши крест.</i>	<i>России исполинский лик [2, 195].</i>

В 1923 году С.М. Соловьев начал писать “Воспоминания”. Согласно плану они должны были состоять из трех частей и заканчиваться 1913 годом. Однако, доведя рассказ до 1903 года (смерть родителей и начало самостоятельной жизни), он ставит в рукописи слово “конец”. Предположительно, что работа над мемуарами оборвалась в 1928 году; тогда же он перестал писать стихи и статьи.

Два последних года своей гражданской жизни он отдал поэтическим переводам и религиозной деятельности, которая становилась все более опасной. Закончился недолгий период нэпа, наступил великий “перелом”. Знакомых литераторов приглашали на Лубянку для проверки их благонадежности; наиболее порядочные предупреждали Сергея Михайловича: “Меня о вас спрашивали”. С.М. Соловьев с горечью вспоминал о том, что некий литератор, которому он посвятил одно из лучших своих стихотворений, “Иаков”, на заседании секции переводчиков возмутился: “Мы держим в своей среде священника!”

За три года до смерти Андрей Белый пишет стихотворение, тогда также не предназначавшееся для печати, – “Брату С.М. Соловьеву”. Оно датировано серединой февраля 1931 года – и, читая его, нас не оставляет мысль о “сверхсознании” автора: С.М. Соловьев был арестован в ночь на 16 февраля 1931 года. Это дата его гражданской смерти.

После длительного ночного обыска его увезли на Лубянку. В эти годы политические заключенные еще не подвергались унижениям и физическим мукам. Квалифицированный интеллигентный следователь понял, что имеет дело с идеалистом, который не связывал церковь с политикой, но процесс над католиками требовал их наказания. Осенью Соловьев должен был отбывать в ссылку. Нравственное потрясение, испытанное во время следствия, было столь велико, что психика не выдержала. По ходатайству Горького ссылка была заменена содержанием в Троицкой психколонии под Москвой. После годичной проверки С. Соловьев был признан больным и отпущен на поруки. Болезнь выражалась в решительном отказе от какой-либо деятельности и в непрерывных муках совести – он казнил себя за то, что, исполняя “свой тяжелый, свой Богом завещанный труд”, он обрек на тюрьму и ссылку членов общины, а самая горячая из них покончила с собой еще в следственной тюрьме. В периоды обострения болезни Соловьев

терял ощущение реальности, в его воображении возникали картины конца света, появилось стремление встретить этот конец в родных местах – у Дедова, Надовражного, где проходили счастливые летние месяцы в детстве и отрочестве.

Первые годы после выхода из психколоники прошли между домом и больницей, в предвоенные годы он содержался в больнице как хроник. В самом начале войны больница имени Кащенко была эвакуирована в Казань, где С.М. Соловьев скончался 2 марта 1942 года. Его могила затерялась на Арском кладбище среди захоронений тех, кто умирал в годы войны в госпиталях Казани.

Он жил дольше, чем друзья юности – символисты, которых объединяло ожидание благих перемен. А. Блока он пережил на двадцать лет. На первом издании “Стихов о Прекрасной Даме” есть надпись: “Милому, дорогому Сергею Михайловичу Соловьеву в знак памяти о прошедшем, настоящей любви и близости и будущей несказанной встречи. Александр Блок 1904 СПб X.29”. Состоялась ли эта встреча? Не нам знать.

С первыми годами жизни поэта нас знакомит “Детство” С.М. Соловьева. Автор рассказывает о людях, поражающих благородством и тонкостью чувств. Литературное описание передает их особенное, забытое обаяние, которому современники уже не в силах даже подражать. Они выросли такими не только благодаря незаурядным личным качествам, но и благодаря особому воспитанию. Мы знакомимся с образом жизни семьи Сережи Соловьева и круга его близких, образом жизни, стилем поведения, усваиваемым отчасти сознательно, отчасти бессознательно: путем привычки и подражания. Это принципы, которые реально проявились в быте, поведении, живом общении.

Особое влияние на формирование личности Соловьева, на становление его литературного таланта сыграли годы, прожитые им в Москве в квартире на Арбате, летние месяцы в Дедово и время, когда семья проживала в Риме.

Он начинает себя помнить в небольшом, двухэтажном доме в тихом Штатном переулке между Пречистенкой и Остоженкой. Квартира помещалась во втором этаже: за гостиной, служившей также и столовой, была спальня родителей и кабинет отца. К отцу тянуло больше, чем к матери. В матери он чувствовал что-то напряженное и тревожное. Она рано стала давать Сереже суровые уроки, которые повлияли на его характер. Мать в то время писала большие иконы из евангельской жизни для одного тамбовского храма и гостиную наполняли благоухающие свежими красками доски, на которых она манерой старых итальянских мастеров изображала Воскрешение Лазаря и Тайную вечерю.

Жизнь текла тихо и однообразно. С благодарностью вспоминает С.М. Соловьев белый двухэтажный дом в Штатном переулке, где он научился любить и почитать безгрешным своего ласкового, но строгого и иногда страшного отца, замыкавшего его в наказание одного в своем кабинете, в кресле перед письменным столом; картинки священной истории и карту Палестины; веселую квартиру дяди Тяпа с его котятками и пением “Двух гренадеров” и тихую девочку Лилию Гиацинтову перед алтарем церкви св. Троицы.

Семи лет семья Сережи Соловьева въехала в большую квартиру белого трехэтажного дома, на углу Арбата и Денежного переулка, не подозревая, что проживет здесь десять лет и покинет эту квартиру одиноким юношей, у которого нет родного угла, но перед которым открыт весь мир. В квартире на Арбате пройдет его отрочество, сложится его душа, здесь он приобретет друзей на всю жизнь.

Сравнительно с прежней квартирой, судя по мемуарам Соловьева, она была велика и даже роскошна: во втором этаже, с двумя нависшими над шумной улицей балконами. Дом был угловой, через переулочек виднелась большая церковь, и благовест доносился в комнаты. Верхние квартиры в доме были занимаемы известными профессорами Янжулом и Бугаевым: осели они здесь с самого построения дома и почитались старожилками.

Арбат в то время был тихой улицей, и если Сережу и его родителей поразил шум, то это было лишь по сравнению с глухим переулком, где протекло первое детство автора.

Любимым чтением для мальчика сделался теперь Пушкин и "Илиада" Гомера. После лазурных снов волшебной "Одиссеи" он весь погрузился в золотой и кровавый мир "Илиады". Ему подарили "Илиаду" на Пасху и тогда же сшили новый бархатный костюм. Сережа любил встать пораньше, когда родители еще спали, и в новом костюме читать "Илиаду", закусывая пасхой. Яростный Ахилл, копья и дротики, бои без колесниц, нежный образ Афродиты среди грозных воинов – все это окончательно покорило его.

В первых числах сентября 1881 года семья Соловьевых оставила Дедово, где проводила лето.

История деревни Дедово-Талызино началась еще в XVII веке. Тогда это была вотчинная земля рода церковных дьяков Талызиных. В середине XIX века сельцо "Дедово" с господской усадьбой приобрел Михаил Ильич Коваленский, штабс-капитан, бывший председатель Казенной палаты в Тифлисе, впоследствии – действительный статский советник, очень богатый и влиятельный человек того времени. С XIX века судьба и история деревни Дедово тесно связана с именами двух известных русских поэтов – Сергея Соловьева и Александра Блока. Сергей Михайлович Соловьев – русский поэт-символист, друг и троюродный брат Александра Блока, внук известного историка С.М. Соловьева и племянник великого русского философа и поэта В.С. Соловьева, и был последним владельцем имения, вернее, одного из флигелей поместья в Дедово.

Сюда в 1898 году после окончания гимназии приехал молодой Блок, где он и подружился с Сергеем Соловьевым. Здесь проходили любительские постановки спектаклей и декламации ранних стихов Блока, написанных под впечатлением лирики Афанасия Фета, и философские беседы поэтов с философом Владимиром Соловьевым.

Здесь завязалась еще одна дружба поэтов – Александра Блока и Андрея Белого, который в Москве соседствовал с семейством Соловьевых и товарищески гостил в Дедове.

Андрей Белый так описывал свое пребывание в Дедове: “В 1901 году в мае месяце между двух экзаменов я был крещен М.С. Соловьевым в Андрея Белого. Дедово стало литературной родиной <...>. Впоследствии А.Г. Коваленская (мать О.М. Соловьевой) сказала: “Добро пожаловать к нам”. С тех пор я почти не жил в имени матери, деля в Дедове с моим другом (С. Соловьевым) досуги” [1, 220]. Именно в усадьбе Соловьевых, в Дедово, Михаил Сергеевич Соловьев, придумал для Бориса Бугаева литературный псевдоним “Андрей Белый”, “дабы он мог скрыть от близких свои декадентские увлечения”. Этот исторический факт накрепко связал имя Андрея Белого с усадьбой Дедово: здесь Белый создал “Симфонию”, поэмы “Дитя-Солнце”, “Серебряный голубь” и другие замечательные стихи.

Размолвка, произошедшая между Андреем Белым и Александром Блоком, привела к тому, что Блок после 1905 года больше в Дедово не появлялся. Однако с 1910 года Блок возобновил переписку с Соловьевым, которая продлилась до 1915 года.

К сожалению, усадьба Коваленских вместе с флигелем Соловьевых сгорела в 1917–1918 гг. О ней напоминает только бывший барский пруд севернее деревни.

На протяжении ряда лет Сергей Соловьев гостил в усадьбе Шахматово, расположенной в двух с половиной километрах от села Тараканова. Это имение принадлежало Андрею Николаевичу Бекетову – деду Александра Блока. Сергей Соловьев был шафером на свадьбе А.А. Блока и Л.Д. Менделеевой. Венчание состоялось 17 августа 1903 года в церкви Михаила Архангела села Тараканово. Сергей Соловьев описал это событие в своих воспоминаниях: “Свадьба была назначена на 17 августа <...>. Я приехал с розовым букетом к невесте, чтобы везти ее в церковь. “Я готова”, – сказала Любовь Дмитриевна и поднялась с места. Я ждал у дверей. Начался обряд благословения” [2, 202].

А пока квартира в Москве была ликвидирована, вещи отданы на хранение. Впереди была Италия. Чудные два месяца. Солнце, море, гнилые лимоны, кожура винных ягод, персики, “Книга чудес” Готорна. Впервые перед Сережей всплывают чарующие образы дубравной четы – Филимона и Бавкиды, страшный Минотавр, собирающая весенние цветы Прозерпина. Родители ездили на извозчике в Помпею, но мальчика с собой не брали. Только издали любовался он дымом древнего Везувия.

Темный Рим. Его любимый, любимый город. Вечный Рим. Они прожили в нем до весны. В “Детстве” предстают перед нами бесчисленные фонтаны, статуи, статуи и статуи: осененный пиниями сад Пинчио, где маленький Сережа проводит дни, собирая желуди и читая под бюстами древних императоров. Каждый день няня с мальчиком шли на Пинчио, мимо церкви св. Троицы на горах, под испанской лестницей, где толпились красивые натурщицы в цветных платьях. Часто попадались им навстречу процессии семинаристов в красных сутанах и круглых красных шляпах. В окнах магазинов постоянно прекрасный юноша Себастьян со страдальческими глазами, со впившейся в бок стрелой; статуэтки папы Льва XIII, св. Петра, сидящего на троне.

Здесь впервые он начал посещать каждое воскресенье русскую церковь. Сергей Михайлович вспоминает, как неожиданно, в коридоре посольства, где стоял седой швейцар с булавой, он различил запах ладана. Отворялась дверь, и он попадал в рай. Старый седой архимандрит Пимен так хорошо служил.

В Риме Сережа усиленно занялся литературой. Стряпал маленькие книжки, старался по всем правилам написать титульный лист, а на обложке помещал список других сочинений того же автора. Родители читали “Олимп” Дюттко. Они дали ему эту книгу, и няня Таня прочла всю ее вслух. Там было много цитат из Гомера, и тут Соловьев впервые подпал под очарование греческой поэзии. Интерес к мифологии, разбуженный книгой Готорна, был окончательно разожен. Все боги его волновали, и к их приключениям и борьбе он относился со страстью.

Когда к концу февраля семья собралась уезжать из Рима, Сережа был глубоко опечален. Идя по улице с сумкой через плечо, он кричал всем друзьям по-итальянски: “Вернусь к вам, когда буду большой”. Из вспененного, шумного фонтана Треви, под колесницей Нептуна, окруженной тритонами, он жадно пил воду из почвы древнего Лациума и верил, верил, что прощается с Римом не навеки. И вся его последующая жизнь была мечтой о Риме. В него стремился Сергей Соловьев студентом, когда профессор чертил на доске место встречи Клодия с Милоном на Аппиевой дороге, и Сергей Михайлович часто твердил слова одного поэта:

*Поедем туда, полетим,
Где шумит семихолмный, вечный Рим.
Ах, ночами над Палатином
Пахнет тмином... [2, 203].*

И латинский учитель в гимназии, и латинский профессор в университете были для С. Соловьева лица особенно дорогие, потому что они говорили языком того вечного Рима, где началась его сознательная жизнь, а вместе с сознанием приблизились и первые горести и первые испытания <...>.

Наша статья не может претендовать на полноту охвата проблемы, на ее всесторонний анализ, она лишь подводит к дальнейшей работе по возвращению и осмыслению творческого наследия Сергея Михайловича Соловьева.

Литература

1. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания : в 3-х кн. / Андрей Белый. – М. : Худож. лит., 1989. – Кн. 1. – 543 с.
2. Соловьев С. М. Детство / С. М. Соловьев // Новый мир. – 1993. – № 1. – С. 181–205.

Аннотация

В работе сделана попытка осветить основные вехи биографии известного поэта-символиста Сергея Михайловича Соловьева, творчество которого было незаслуженно забыто. Статья рассказывает о трагической судьбе публициста, критика, автора работ по истории отечественной мысли. Автор уделяет внимание ранним годам жизни поэта, когда происходит становление его литературного таланта, связывая их с Москвой, Дедово, Шахматово, Римом. В работе использованы воспоминания А.А. Блока и мемуары самого С.М. Соловьева.

Ключевые слова: поэты-символисты, “серебряный век”, мемуары.

Анотація

У роботі зроблена спроба висвітлити основні віхи біографії відомого поета-символіста Сергія Михайловича Соловйова, творчість якого була несправедливо забута. Стаття розповідає про трагічну долю публіциста, критика, автора праць з історії вітчизняної думки. Автор приділяє увагу раннім рокам життя поета, коли відбувається становлення його літературного таланту, пов'язуючи їх з Москвою, Дедово, Шахматово, Римом. У роботі використані спогади О.О. Блока і мемуари самого С.М. Соловйова.

Ключові слова: поети-символісти, “срібний вік”, мемуари.

Summary

In the article the attempt to light up the main biographical lines of a well-known poet-symbolist Sergey Solovyov has been made. To our great regret his creative work had been forgotten. The article is about tragical destiny of a author, critic and writer in a field of a public thinking history. The author pays attention to the poet's youth when his writing gift was developing. These years are connected with Moscow, Dedowo, Shackmatowo and Rome.

Keywords: poet-symbolist, “silver century”, memoirs.

УДК 821.161.1–32 Шмелев 7.08

Коршунова Е.А.,
аспірантка,
Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина

ПОЭТИКА “МОСКОВСКОГО ТЕКСТА” В РАССКАЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА “ГОЛУБИ”

Исследование поэтики “московского текста”, второго по значимости после “петербургского” для русской литературы, является одной из актуальных задач современного литературоведения. “Московский текст” не описан до настоящего времени как цельно-единство (термин В.Н. Топорова), как феномен, имеющий свою историю.

Выделение “московского текста” особенно закономерно в творчестве И.С. Шмелева, “коренного прирожденного москвича, с московским говором, с московской независимостью и свободой духа” [1, 4]. Многие произведения писателя написаны о Москве (очерки “Сидя на берегу” (1925), “Богомолье” (1931), “Няня из Москвы” (1933), “Лето Господне” (1944), “Рождество в Москве” (1945), “Пути небесные” (1950)). Несмотря на это, в шмелевоведении не уделяется должного внимания рассмотрению данной темы. Имеются лишь отдельные публикации В.М. Гуминского, С.В. Шешуновой [3; 8] и немногих других. Поэтому в нашей статье попытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел.

Открывает ряд “московских” произведений рассказ “Голуби” (1918), в котором уже закладываются именно шмелевские подходы и способы обращения к этой теме.

Шмелевы приехали в Крым в июне 1918 года, спасаясь от разрухи и большевиков. В июле того же года в Алуште Шмелев напишет рассказ “Голуби”, первый в предполагавшемся цикле “По Москве”. Уже в самом начале рассказа обозначены исторически значимые городские локусы, в которых происходит